

В.Г. Костомаров,

(ГОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»)

К ПОНЯТИЮ «НОРМА»

Термин *норма* применяется исследователями, как минимум, двояко:

1) для общей характеристики выработанного или *образованного* языка (в двух значениях глагола *образовать* — языка образованных людей и созданного, т.е. кодифицированного, «литературного»);

2) для обозначения отдельных языковых единиц, которые признаются правильными, желательными и обычно противопоставляются иным «ненормативным» — вариантам, прежде всего по какой-то причине табуированным диалектным, просторечным, жаргонным, а также иноязычным.

1.

Норма применительно к русскому языку в целом сопряжена с нашими представлениями о самом языке, с оценкой его состояния и желательных путей совершенствования. Всё это складывается исторически и достаточно устойчиво если не вечно, то на протяжении длительных периодов.

Опорой служат исторически сложившиеся черты языка, увязываемые с его имманентными внутренними законами развития и воздействующими на них событиями, определяющими структуру нации, жизнь народа, настроения и вкусы общества. К такому можно отнести, например, выбор православия как главной религии, характер территории, природы и государственности, войны, завоевания, революции, экономико-идеологические перемены, греко-византийское, татаро-монгольское, германское, французское, американо-английское и иные иноязычные влияния. Значительную роль играют наука, литература, просвещение, образованность населения, тип письменности.

Представление о правильности нашего языка, естественно базирующееся на развитии его самобытных состава и системы как таковых, не может игнорировать родства и взаимодействия со старославянским. Нормативной его чертой нельзя не считать то, что он, как далеко не все языки, «общежителен и переимчив» (прозорливое замечание А.С. Пушкина), чему не мешают бесконечные споры об иноязычных заимствованиях, которые контролируют принятие или отвержение конкретных слов. Важнейшим мотивом движения русского языка служат живитель-

ные соки диалектов общенародного русского языка под строгим контролем вкуса авторитетных писателей.

Подобно многим языкам, русская общеязыковая норма тонко осознаёт противопоставление «кодифицированного литературного языка» и разговорного языка повседневности («разговорной речи»), но весьма своеобразно реализует это соотношение не как взаимоисключение, а, скорее, как взаимозависимость. Достаточно строга, хотя и весьма изменчива эта норма в стилевых и стилистических сферах. Это остро обозначилось в нынешнем процессе создания видов и форм массовой коммуникации.

Народ наш лингвоцентричен. Вряд ли есть в мире другой писатель, который, как И.С. Тургенев, в своём прозаическом стихотворении, безоговорочно окрыляющем всех нас уже полтора столетия, узрел бы в языке единственную поруку в благополучной судьбе русских людей и России. Поэтому важной стороной нормы языка надо признать бережнокритическую боязнь о его нездоровье, постоянную искреннюю, пусть далеко не всегда обоснованную и разумную заботу о нём.

В значительно мере путеводной звездой служила классическая, да и в целом вся русская художественная литература, задававшая тон в обоих указанных пониманиях нормы. Поэтому кажется полезным обратиться к одному из авторитетнейших авторов, который был предтечей и соратником А.С. Пушкина, общепризнанного основоположника современного русского языка.

Н.М. Карамзин видел в любом языке «следствие многих уместований и соображений» ([2]: 47), русский же оценивал как выразительный «не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности», как богатый гармонией, имеющий «для изливания души» коренные слова, образные с выражаемым действием ([2]: 229). *«Да будет же честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своем, почти без всякого чуждого примеса, течет, как гордая, величественная река — шумит, гремит — и, вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса!»* ([1]: 482).

Истинное богатство языка, по его мнению: *«состоит не во множестве звуков, не во множестве слов, но в числе думелей, выражаемых оным. Богатый язык есть тот, в котором вы найдёте слова не только для означения главных идей, но и для изъяснения их различий, их оттенков большей или меньшей силы, простоты и сложности... В язы-*

ке, обогащённом умными авторами, в языке выработанном не может быть синонимов: всегда имеют они между собой некоторое тонкое различие, известное тем писателям, которые владеют духом языка, сами размышляют, сами чувствуют, а не попугаями других бывают ([2]; 85).

Словесная мудрость церковных и светских книг, накладываясь на природные материальные богатства, на живой разговор (увы, вздыхает Карамзин: «у нас в лучших домах говорят по-французски!») «ожидает души и красот от художника». Ставшая вечной нормой нашего языка мысль о синтезе книжности и разговорности получит чёткое оформление у А.С. Пушкина, как и вера в то, что, освобождаясь от излишнего иноязычного влияния, надо «выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения» ([2]; 124).

Обращаясь к собственному переводческому опыту, Карамзин жаловался: «Язык наш хотя и богат, однако ж не так обработан, как другие, и по сие время еще немногие философические и физические книги переведены на русский. Надобно будет составлять или выдумывать новые слова, подобно как составляли и выдумывали их немцы, начав писать на собственном языке своем; но, отдавая всю справедливость сему последнему, которого богатство и сила мне известны, скажу, что наш язык сам по себе гораздо приятнее» ([1]; 250).

Он сожалел, что русские мало трудятся над «обработыванием собственного языка», отчего не умеют «изъяснять им некоторых тонкостей в разговоре» ([2]; 229): «Истинных писателей было у нас ещё так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные мысли» ([2]; 124). «Ломоносов был первым образователем нашего языка; первый открыл в нём изящность. Гений его советовался только сам с собою, угадывал, иногда ошибался, но во всех своих творениях оставил неизгладимую печать великих дарований. Он вписал имя своё в книгу бессмертия, там, где сияют имена Пиндаров, Горацийев, Руссо» ([2]; 110).

Полезно брать пример с европейских языков, но не преклоняясь перед ними, эта позиция определила оценку Карамзиным деятельности Петра Великого, который стремился европеизировать русский язык, но «не изменил всего коренного русского, для того ли, что не хотел, или для того, что не мог» ([2]; 173–174). Карамзину казалось, что «фран-

цузский язык весь в книгах (со всеми красками и тенями, как в живописных картинах), а русский только отчасти: французы пишут как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом» ([2]: 124). Он подчёркивал также роль научных словарей и грамматик в становлении французского литературного языка.

Призывая к систематическому образованию языка, отражающему его обогащение успехами общежития и словесности, Карамзин восхищался и гордился созданием отечественного академического словаря, который «утверждает значение слов, избавляет писателей от многотрудных изысканий, недоумений, ошибок». Он хотел, чтобы словарь служил «для дополнения, для перемен, необходимых по естественному, беспрестанному движению живого слова к дальнейшему совершенству»: *«Слова не изобретаются академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведениях таланта... Новые, мыслию одушевленные слова входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого ученого законодательства с нашей стороны: мы не даем, а принимаем их»* ([2]: 170–171). Карамзин предлагает Академии идти дальше — сопроводить Словарь Грамматикой, т.е. «изложением системы правил для составления речи»: эти правила языка опять же «не изобретаются, а в нем уже существуют: надобно только открыть или показать оные»; основу для этого дал Ломоносов.

2.

Итак, понимание нормы в смысле желаемых путей развития и синхронного состояния русского литературного языка достаточно устойчиво и хорошо согласуется с идеалами Н.М. Карамзина, разделяемыми А.С. Пушкиным и другими авторитетами вплоть до наших дней.

Более того, именно художественная литература оказалась, по их заветам, и носителем общих идей желательного развития русского языка, и источником квалификации отдельных языковых средств. На эту особенность российской филологии, распавшейся, к сожалению, на лингвистику и литературоведение, давно обратил внимание известный американский исследователь Дэн Давидсон, в духе классических традиций литературовед и языковед в одном лице (см. его замечательную статью: [3]).

Современное общество решительно отстаивает превосходство письменных текстов и книжного языка, несмотря на растущее распрост-

ранение и влияние массовой коммуникации, вооружённой видео- и аудиозаписью, кино, телевидением, компьютером с его интернетом и чатами. Традиции сохраняются, хотя мы уже невероятно зависимы от мобильных телефонов и других приборов, стирающих грань между письменной и устной (звуковой) формами текста, а следовательно, и между книжной и разговорной разновидностями функционирования русского языка. Это сказывается (пока?!) лишь в оценке отдельных средств выражения, в целом же она устойчиво идёт в русле живых со времён Карамзина общих представлений о литературно-языковой правильности. Частные нормы воспринимаются менее строго и обязательно, часто прихотливо сменяются волей случая. Так, неприятие излишних англоамериканских заимствований большей частью общества, к сожалению, заметно нейтрализуется навязчивой ежедневной практикой молодёжной периодики, рекламы, радио, кино, телевидения.

Впрочем, природно-естественная нормализация в диапазоне имманентных законов развития и особенно научно-педагогическая кодификация (словарная и грамматическая) всегда подвергались воздействию сиюминутного вкуса, общественно-политических устремлений, авторитета престижных личностей. Эти влияния, в сущности, определяют предпочтения и отвержения синхронного состояния речи, но могут при этом либо тормозить, либо ускорять внутреннее развитие системы и состава языка.

Кодификацией занимаются по велению долга, как правило, не ставя перед собой именно такой цели, поэты, писатели, актёры и по долгу службы вполне осознанно — авторы словарей, грамматик, справочников и учебников, профессиональные лингвисты, филологи, педагоги. В последнем случае изыскиваются более или менее убедительные научно-системные аргументы, учитываются сложившиеся традиции, соблюдается национальная специфика (диктат представлений о норме языка в целом), а также проводятся наблюдения над частотностью в реальной речи и текстах, прежде всего уважаемыми лицами. С.И. Ожегов говорил о двух принципах конкретных рекомендаций: 1) ошибка может быть и распространённой; 2) с ошибкой имеет смысл бороться до тех пор, пока с ней имеет смысл бороться.

Понятно, что кодифицируются вариативные средства выражения, когда создаётся недифференцированная синонимичная избыточность, когда одна из соотносительных параллельных единиц кажется почему-либо предпочтительней или, напротив, чем-либо скомпрометированной. Нередко выбор освящается авторитетом, на который равняются ка-

на престижный образец, но основную роль, как кажется, играет общественный вкус эпохи или даже момента, а то и чистая случайность.

Нельзя не заметить, что крепость нормы для отдельных случаев резко различается в зависимости от уровня языковой системы. В правописании они законодательно предписаны, в фонетике устойчивы и строги, в морфологии строже, чем в синтаксисе, в лексике расползаются под напором стилистики и экспрессии. В.В. Виноградов замечал раздумчиво, что в стилистике нормы заменяются ориентацией на образцы, и — не без усмешки — что в орфографии и пунктуации они утверждаются чиновниками, отчего без них обходятся многие поэты.

История знает периоды, когда русское общество увлекалось иноязычными заимствованиями и, напротив, боролось с ними. Соответственно по-разному оценивались отдельные средства выражения: из возникающих параллельных обозначений предпочтение отдается то иноязычному (*голкипер, котноновый, самшит, саундтрек*), то родному (*вратарь, хлопчатобумажный, встреча в верхах, звуковая дорожка*). Это касается оценки даже интернациональных единиц, которые появляются вместе с новыми предметами и явлениями (*ксерокс, компьютер, менеджер, консалтинг*, название танцев, одежды и т.д.).

Послереволюционное свободомыслие 20-х годов прошлого века явно ускорило двухсотлетний процесс «выталкивание исключений» в глаголах с чередованиями корневых согласных: *махать — маиу, махаю, двигать — движу, двигаю, полоскать — полоиу, полоскаю*; «охранные» настроения 30–40-х годов, напротив, его приостановили: *пахать — паиу* при неприемлемом *пахая*. Образованные люди (и кодификаторы!) согласились со сменой ударения в *шофёр* в прошлом веке, но нынешнее распространённое ударение в *жалюзи* воспринимается недопустимым. Примерам такого рода несть числа.

В то же время частные нормы даже в случаях очевидного колебания равноправных вариантов (люди у нас настроены на вопрос: «а всё-таки как правильно?») абсолютизируются, насаждаются школой и закрепляются в речевой практике под внимательным надзором русского лингвоцентричного образованного общества. Лица, не соблюдающие такой выбор по незнанию или небрежности (за исключением поэтов, за кем наша традиция закрепляет право даже на «авторскую орфографию»), осуждаются как «неграмотные», а в отдельных ситуациях (при приёме на работу, при сдаче экзаменов) и наказываются.

Любопытно сравнить частные нормы, принятые сегодня, с теми, что характеризовали тексты Н.М. Карамзина и вызывают удивление се-

годня, хотя в принципе могли бы и не подвергаться смене. Приводимые примеры расширяют материал и подтверждают выводы известного советского украинского языковеда академика Л.А. Булаховского. Интересно, что устаревшие частные нормы сегодня нередко воскрешаются деятелями массовой коммуникации в их извечной конструктивно-стилевой жажде экспрессии и оригинальности. Так, современные журналисты возрождают обильные у Карамзина, но за истекшие два века забытые притяжательные формы, живые разве только в названии «Слово о полку Игореве».

«Ныне представляли «Дон-Карлоса», Шиллерову трагедию. Автор пишет в Шекспировом духе» ([1]; 103, 104). *«Забавные Шекспировы критики похожи на дерзких мальчиков, которые окружают на улице странно одетого человека и кричат: «Какой смешной! Какой чудак!»* ([1]; 408). *«При издании сего Шекспирова творения почитаю почти за необходимость писать предисловие... Характер Брутов есть наилучший»* ([2]; 7, 10). *«Я рассматривал со вниманием Рафаэлю Маршо..., Корреджиеву «Ночь»..., Микель-Анджелоу картину..., Веронезово «Воскресение», Караччиевы..., Тинторетовы..., Рубенсовы...»* ([1]; 112–115). *«Ноево жертвоприношение»* ([1]; 114). *«Я ещё с большим удовольствием буду читать произведения Гердерова ума»* ([1]; 140). *«Между многими изображениями славных авторов стоит Пиронов бюст»* ([1]; 350). *«Слава Лувуазьерова пристрастила многих здешних дам к химии»* ([1]; 351). *«В бедствиях образовалась душа Генрихова»* ([1]; 355). *«По словам Виландовым, сочинения Боннетовы заставляют читателей любить автора»* ([1]; 252). *Собираются там ревностные жан-жакисты пить кофе в честь Руссовой памяти* ([1]; 364). *«Всякий дурной человек непременно должен быть трусом»*, — говорит Стернов капрал Трим... *Мы ещё современники Вольтеровы!.. Достоинство Вольтерова состоит в одном выражении, но никогда не найдете в нем жарких излиятий чувства, сильных стремлений сердца* ([1]; 387). *«В Эрменонвиле рука Жан-Жакова не бралась за перо, а только подавала милостыню бедным»* ([1]; 412). *«Девиз Жан-Жаков: «Жить для истины»»* ([1]; 413). *«Она гордится именем Руссовой супруги»* ([1]; 414). *«Я напрасно искал гробницы Ярославовой дочери, прекрасной Анны, супруги Генриха I, которая по смерти его вышла за графа Креки и скончала дни свои в Жанпизском монастыре, ею основанном; другие же историки думают, что она возвратилась в Россию. Как бы то ни было, но ее кенотафа нет подле монумента Генриха I»* ([1]; 400). *«Под Мильтоновым бюстом сооружен памятник стихотворцу Грею»* ([1]; 487). *«Эмилия*

Галотти" пребудет венцом Лессинговых драматических творений... Лессингова трагедия "Эмилия Галотти" переведена на английский язык» ([2]; 13, 66). «Самый худой французский перевод Ломоносова од и разных мест из Сумарокова заслужил внимание и похвалу иностранных журналистов» ([2]; 229).

Примеры не ограничиваются образованием этих прилагательных от собственных имён: «Сей ученый германец думал поправлять его и собственные свои мнения сообщал за мнения сочинительны» ([1]; 247). «Видел все достойное примечания: ...королевские и королевины комнаты» ([1]; 301). «Что принадлежит до характеров, то не знаю, в каком наиболее удивляться искусству автору» ([2]; 13).

Не похожа на нынешнюю система причинных союзов (некоторые существовали, но воспринимались как просторечные): «Он самый светский человек: любит и умеет говорить; говорит смело, для того что знает свою цену» ([1]; 129). «Не ищу искренности, не ищу симпатического сердца — не ищу для того, что найти не надеюсь» ([1]; 284). «Двадцать лет просидел в подземной темнице, для того что не хотел изменить своей Аманде и не отвечал любовью на любовь марокеской принцессы» ([1]; 214). «Картины стертые, для того что они были слишком соблазнительны для набожных людей» ([1]; 301). «Они заметили мою чувствительность и для того, может быть, обошлись со мною ласковее, нежели с другими пассажирами» ([1]; 429). «Нельзя ехать? Для чего же?» — «Становится поздно, и исходят облака» ([1]; 257). «Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать» — «Для чего же?» ([1]; 512). «Нет там ни замков, ни ключей, для того что нет воров» ([2]; 183). «Некоторые из присланных мне пьес остались непечатанными, не для того, чтобы я почитал их худыми, но для того, что они почему-нибудь не входили в план «Московского журнала»... Обещал я фронтиспис, но не выдал его затем, что он был вырезан очень неудачно» ([2]; 36–37). «Рабле советует покупать все глупые книги, для того что они уже не будут напечатаны в другой раз» ([2]; 83).

Сегодня изжиты синтаксические кальки с французского: «Она берет участие в его печали» ([1]; 145). «Они не брали участия в общем разговоре; взглядывали иногда друг на друга и утирали платком покрасневшие глаза свои» ([1]; 168). «Путешественник из отдаленнейшей страны Севера был при их сговоре и брал участие в радости невинных сердец» ([1]; 216). «Друзья ваши берут участие в вашей горести, хотя и не знают причины ее» ([1]; 267). «Кто видит мои слезы? Кто берет участие в моей горести?» ([1]; 425). «Они берут предосторожность:

не возят и не носят с собою много денег и редко хотят по ночам, особенно же за городом» ([1]; 470). «Я потребовал у трактирщика бутылку гохгеймского вина, и притом самого старого, какое только есть у него в погребе» ([1]; 157). «В ожидании дилижанса... велел я приготовить себе ужин» ([1]; 201). «Мы велели подать цыпленка, анчоусов, сыру, масла, бутылку кларету...» ([1]; 467). «Вошли четыре человека в дорожных платьях и вместе со мной потребовали обеда» ([1]; 229) (= заказал, попросил, купил).

Частных расхождений с современными нормами у Карамзина, конечно, больше, чем столь системных. При этом важно заметить, что по большей части он отражает словоупотребление эпохи. Вспомнив начало письма Татьяны Лариной, нетрудно понять, что управления типа *писать к кому, касаться до чего* не являются индивидуальными: «достичь до совершенства» ([2]; 171). «Что принадлежит до критики новых русских книг, то мы не считаем ее истинною потребностью нашей литературы» ([2]; 127). «Что принадлежит до философов, то...» ([2]; 187).

Морфологические примеры: «простее» (=проще) ([2]; 151), «здесь Лафонтен тонее» ([2]; 148), «долее» ([2]; 151). «Саксонские земледельцы вообще гораздо богаче прусских» ([1]; 109).

«На все смотрю с отменным любопытством: на дамы, на кареты, на людей» ([1]; 304). «Тут магазины, кофейные дома, трактиры» ([1]; 340). «Узкие, нечистые, грязные улицы, худые дома... И это Париж?... Тут представились нам красивые здания, дома в шесть этажей, богатые лавки ([1]; 302). «Англия есть кирпичное царство; и в городе, и в деревнях все дома из кирпичей, покрыты черепицею» ([1]; 430). «Не видал ни одних величественных палат, ни одного огромного domu» ([1]; 435). «Лондонские дамы строятся с подземельною частию, в которой бывает обыкновенно кухня, погреб и еще какие-нибудь очень несветлые горницы для слуг, служанок, бедных людей. В Париже ницета взбирается под облака, на чердак; а здесь опускается в землю... Дамы лондонские все малы, узки, кирпичные, небелены (для того, чтобы вечная копоть от угольев была на них менее приметна) и представляют скучное, печальное единообразие» ([1]; 442). «Некогда люди прятались в темных домах и под щитом высоких заборов. Теперь везде светлые дома и большие окна на улицу: просим смотреть! Мы хотим жить, действовать и мыслить в прозрачном стекле... Будучи введен в некоторые хорошие дома, я имел случай узнать и славнейших французских остроумцев» ([1]; 534, 536).

«Шутили с молодыми крестьянками, которые умеют еще краснеться» ([1]; 300). «Она спрашивала: "Что угодно господину?" и краснелась... Никак не хотела сесть и при всяком слове краснелась, хотя я остерегался нескромности в разговоре с нею» ([1]; 482). «Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека, — ещё более покраснелась и потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмёт рубля» ([1]; 508). «Опасность не миновалась» ([1]; 430). «Славный Борк уже стареется» ([1]; 485). «Краснелся и вздыхал» ([2]; 131). Однако в «Марфе-посаднице», т.е. достаточно позднем произведении, явно связанном с работой над «Российской историей», встречаем: «Если иногда светлый взор ее (Ксении, дочери Марфы — В.К.) нечаянно устремлялся на юношей новгородских, то она краснела не зная причины: стыдливость есть тайна невинности и добродетели» ([1]; 560).

«Ваши предки хотели править сами собою и были жертвою лютых соседей... Прежде ужасные только для самих себя и несчастные в глазах соседей, новгородцы под державною рукою варяжского героя сделали ужасом и завистию других народов» ([1]; 545).

«Увидел я старую, иссохшую и бледную женщину, лежащую на постеле» ([1]; 188) (родительный падеж рядом: стояли подле постели). «Броситься на мягкую постель и... заснуть глубоким сном с приятною мыслию о будущем» ([1]; 335). «Лудовик XIV спал на высокой постеле, с которой он видел, сквозь прямую аллею, весь Париж перед собою» ([1]; 394).

«Ролю девки-молочницы играла та актриса, которая в "Дон-Карлосе" представляла королеву: какое превращение!» ([1]; 106). «В собраниях являлся он так же часто, как прежде, но ролю играл совсем иную» ([1]; 267). «Несравненный Моле, играющий по большей части ролю отцов в комедиях» ([1]; 326). «Славный щеголь французского языка (разумеется, по тогдашнему времени) Бальзак играл отличную ролю в сем важном прении» ([1]; 340).

Немало примеров изменившегося рода слов: «Подарил мне оду, сочиненную им нынешнему королю, или, лучше сказать, кантат, выбранный из псалмов» ([1]; 103). «Живет со мною в одной отели, только на чердаке» ([1]; 407). «Окружающий ее (церковь Св. Павла. — В.К.) балюстрад считается первым в свете» ([1]; 454). «Главная парижская госпиталь» ([1]; 365). «Гриничская госпиталь... Немногие цари живут так великоленно, как английские престарелые матроны... Седые старцы, опершись на балюстрад террасы, видят корабли, на всех парусах летящие по Темзе... Король спросил, что ему более всего полю-

билось в Англии? Петр I отвечал: "То, что гошпиталь заслуженных матрозов похожа здесь на дворец, а дворец вашего величества похож на гошпиталь"» ([1]; 465, 466).

Значительно сменились словообразовательные варианты: «Горе бедным пешеходам, а особливо, когда идет дождь... Вы очутитесь наконец в тени густых аллей, называемых булеварями; их три: одна для карет, а две для пешеходцев; они идут рядом и образуют магическое кольцо, или самую прекраснейшую опушку вокруг всего Парижа. Тут городские жители собирались некогда играть в шары (a' la boule) на зеленой траве: отчего и произошло название буле-вар, или булевар» ([1]; 308). «Четверместная карета» ([1]; 276). «Нет другого города столь приятного для пешеходцев, как Лондон: везде подле домов сделаны для них широкие тротуары, которые по-русски можно назвать намостами; их всякое утро моют служанки (каждая перед своим домом), так что и в грязь, и в пыль у вас ноги чисты. Одно только не нравится мне в этом намосте, а именно то, что беспрестанно видишь у ног отверстия, которые ночью закрываются, а днем не всегда; и если вы хотя мало задумаетесь, то можете попасть в них, как в западню. Всякое отверстие служит окном для кухни или для какой-нибудь таверны, тут ссыпают земляные уголья, или тут маленькая лестница для схода вниз» ([1]; 442). Легко принимая пешеходец (ср.: стихотворец и пр.), удивимся, что тротуар пришлось пояснять придуманным намост.

«Стихотворец пятого-надесять века... Правда, что осьмой-надесять век просвещеннее всех своих предшественников; правда и то, что многие пишут на него сатиры, многие, кстатти и некстатти, восклицают: "O tempora! O mores!" — "О времена! О нравы!". Повторим истину несомнительную: в девятом-надесять веке один и тот же народ может быть великим и почтенным... Кто более нашего славил преимущества осьмого-надесять века: свет философии, смягчение нравов, тонкость разума и чувства?... Осьмой-надесять век кончается... Если опять возвратится на землю третий и четвертый-надесять век?... С самой половины осьмого-надесять века» ([2]; 50, 68, 163, 179, 182, 215). «У французов еще в шестом-надесять веке философствовал и писал Монтань» ([2]; 228).

Больше всего исторических расхождений в нормативной лексике «Не видно реки под множеством лодок, нагруженных земляными угольями» ([1]; 441) (= каменным углем). «...тут ссыпают земляные уголья» ([1]; 442). «Просидел в моей горнице до двенадцати» ([1]; 290) (= комнате, номере гостиницы). «Надзиратель сказывал, что за несколько недел

перед тем украли из галереи картин десять, и притом самых лучших» ([1]; 115) (= зритель). «Лудовик XIV построил... "Инвалидный дом" для изувеченных и престарелых воинов, желая доказать им царскую благодарность, и часто бывал у них в гостях, без всякой стражи, кроме испытанного усердия своих ветеранов» ([1]; 367) (стражник, стража = охранник, охрана). «Если бы у меня было на сей год не 300 подписчиков, а 500, то я постарался бы на тот год сделать наружность журнала приятнее для глаз читателей» ([2]; 36) (= подписчиков). «Богданович и мыслями и выражениями побеждает опасного совместника» ([2]; 138). «В переводе самого Богдановича: "О ты, которая в законах и геройстве Совместников своих далеко превзошла..."» ([2]; 151). «Воздух можно назвать переносчиком наших мыслей и связью умов человеческих. Я говорю: рождаются звуки, и воздух влияет их в слух других людей, которые узнают чрез то мои мнения, желания и проч. Каждый звук есть вестник, уведомляющий человека о происходящем вокруг его» ([2]; 78). «По совету моего вожатого... Чичероне мой говорил...» ([1]; 454) (= гид, экскурсовод). «Какие поклоны! Шляпу держал он у сердца. Надлежало зажать уши от громкого плеска... Он поднял глаза вверх, стараясь собрать силы. Страшное рукоплескание!.. "Я буду танцевать еще завтра". Шумящее браво соединилось со всеобщим плеском. И занавес закрылся» ([1]; 281) (= аплодисменты). «Всякое слово, относящееся к нынешнему состоянию Франции, было сопровождается плеском зрителей» ([1]; 290). «Здесь-то еще строго наблюдаются законы супружеской верности» ([1]; 192) (= соблюдаются). «Не могу сказать о ней ничего, примечания достойного» ([1]; 217) (= достойного внимания, упоминания: ср. современные замечательный и примечательный). «История кармелитов», изданная на латинском языке, еще достойнее примечания» ([1]; 382). «Где что-нибудь было или есть примечания достойное» ([1]; 352). «Примечания достойно то, что одна земля произвела и лучших романистов, и лучших историков. Ричардсон и Фильдинг выучили французов и немцев писать романы как историю жизни, а Робертсон, Юм, Гиббон влияли (= вносили в неё, придавали ей. — В.К.) в историю привлекательность любопытнейшего романа умным расположением действий, живописью приключений и характеров, мыслями и словом» ([1]; 481). «У вас затеги уши» ([1]; 437) (= заложило).

* * *

Вероятно, не имеет смысла перечислять многочисленные несоответствия написаний, вообще орфографических и пунктуационных норм,

то есть тех, которые подвержены осознанному человеческому законодательству. Важно сделать общий вывод: нормы — дело святое, их позорно не знать, не соблюдать, но делать это следует с пониманием их изменчивости, особенное внимания уделяя колеблющимся, полностью не устоявшимся: здесь, видимо, нормой надо признавать самый факт вариативности. Важно хранить общую норму языка, а не бодаться с отдельными случаями. Ведь А.С. Пушкин мудро призывал дать языку побольше воли, чтобы развивался он сообразно законам своим.

Литература

1. Карамзин Н.М. Сочинения: В 2-х тт. Т. 1. — Л., 1984.
2. Карамзин Н.М. Сочинения: В 2-х тт. Т. 2. — Л., 1984.
3. Dan E., Davidson Ch.M. Wieland in Russia. On the role of N.M. Karamzin. Lessing Yearbook. — Vol. XV. — Wayne State University Press, 1983. — P. 213–232.

What we mean by the term “usus”

The major characteristics of style of speech are considered on a material of Russian in the article.